

**А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ: ПОСЛЕДНИЙ ГОД
ЖИЗНИ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ**
(Продолжение. Переписка А.Г. Достоевской
1917—1918 годов)*

Публикация и комментарии
В.Н. Абросимовой

Ф.Ф.ДОСТОЕВСКИЙ – А.Г.ДОСТОЕВСКОЙ

I

9 окт[ября 1917 года
Пятигорск]

Милая мама [!]

Мне очень неприятно было узнать, как ты себя плохо чувствуешь после малярии. Тем более это хорошо представляю, что целый месяц возились с Федей¹, к[о]т[орый] исхудал, как щепка, и никак не мог поправиться.

Необходимо вот что:

Каждый день, не взирая на то, что нет лихорадки, принимать два раза в день по 3 грам[м]а хины (если припадок лихорадки, то больше), через 10 дней по 1[-му] разу в день, еще через 10 дней принимать через день и т.д. Только так можно выкурить остатки малярии. *Кроме* того, нельзя есть сырого и черного мяса. Только молоко, яйца и курицу — если можно, *каши* — иначе вечное недоразумение с желудком.

Очень беспокоюсь и жду твоих писем. 7-го или 8-го Китти² доехала до Скадовска.

Я пробуду здесь еще дней 8—10, так мне кажется. Я уже писал тебе *poste-restante***.

Повторяю, что рубль очень упал и что *все* земли и дома стоят вдвое [дороже]. Поэтому лучше не жалея денег на срочные

* Начало см. «Достоевский и мировая культура», 1999 г., №12.

** До востребования (фр.).

телеграммы, но запроси меня, прежде чем что-либо подписать.
После 20-го телеграфируй [в] Москву.

Искренно тебя любящий сын

Ф. Достоев[ский]

ОР РГБ, ф.93/II, карт. 4, ед. хр. 34-а. Л. 9-10 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского. Судя по почтовым штемпелям на конверте, заказное письмо карандашом дошло до адресата довольно быстро: «Пятигорск 10.10.17» и «Ялта 16.10.17». — Там же. Л. 12—12 об.

II

15 окт[ября] 1917 года
Пятигорск]

Милая мама[!]

Твоя болезнь — слабость — меня заставила поговорить с доктором и он думает, что это продолжение малярии; лечить нужно *ежедневным* приемом хины по 3 грам[м]а недели 2 крыду. Послал тебе 2 письма «до востребования». Пошли за ними на почту.

На днях думаю ехать в Москву, поэтому пиши Москва Скачки.

Очень беспокоюсь и надеюсь, что ты посоветуешься с доктором. Целую.

Твой любящий сын

Ф. Достоев[ский]

Там же. Л. 11—11 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского. Заказное письмо карандашом также благополучно дошло до адресата. См. почтовые штемпели: «Пятигорск 16.10.17» и «Ялта 21.10.17». — Там же. Л. 15—15 об.

III

18 окт[ября] 1917 года
[Пятигорск]

Милая мама, твои письма получаю исправно, но совершенно не знаю, получила ли ты мои письма, посланные до востре-

бования. Как ты просишь, отвечаю тебе «до востребования» и заказным, но совсем не понимаю, как ты получишь это письмо, если ты не выходишь, а т.к. оно заказное, то его не выдадут на руки посланному.

Итак, обсудив предложение П. П. Суханова, я, как и раньше писал, не считаю двести тысяч за большую цену, т.к. теперь *все* имущества увеличились в цене больше, чем вдвое. Но согласен с тобою, что с окончанием войны наплыв денег остановится и продать будет трудно. Знаю также, что тебе надоело возиться с участком. Да и твое и мое финансовое положение затруднительно.

Поэтому если предложение вполне серьезно, то на него можно идти³.

Странно только мне показалось, что «задаток когда угодно», — кто же этот покупатель, к[о]т[орый] готов, «когда угодно», и ждет тоже, «сколько угодно»⁴??? Это тоже немного сомнительно.

Ты пишешь, что мне придется поехать в Петроград за бумагами. Как же я поеду, если бумаги лежат в несгораемом ящике в банке, а ключ у тебя? Пересылать ключ в посылке значит не получить его 3 месяца. Наконец, теперь все переезды не так просты, везде нужно разрешение на въезд.

Видишь, процедура продажи такова: сперва заключается *запродажная*, причем получается задаток, потом *купчая* и, наконец, следует утверждение ст[аршего] нотариуса, в данном случае, в Симферополе. Я полагаю, что ты могла бы сделать запродажную в Ялте, а *купчую* совершить в *Москве*, откуда легко съездить за бумагами. Ведь деньги все равно надо переводить в Москву, не держать же их в Ялте, а Петроград эвакуируют. Конечно, надо, чтобы при получении задатка кто-ниб[удь] помог бы. Если же ты хочешь, чтобы я приехал, то надо сразу писать купчую.

NB. Задаток нельзя брать маленький, надо взять тысяч 50, т.к. иначе они могут тянуть дело, подыскивая другого покупателя, чтобы перепродать дороже и нажить[ся]. Задатком же тысяч в 20 они всегда могут рискнуть и мы три года будем с ними судиться, как это происходит с одним моим знакомым, Юр[ием] Пеховским⁵.

Затем для твоего сведения: при заключении «запродажной» или «задаточной» расписки обязательно устанавливается срок совершения купчей, напр[имер], через месяц, точный срок, к[о]т[орый], в случае затяжки со стороны покупателя, дает нам право судом требовать нарушения запродажной или задаточной с получением задатка в нашу пользу.

Итак, я тебе предлагаю сделать запродажную или, что дешевле, задаточную расписку в Ялте, купчую совершать в Москве. Конечно, если надо, то я могу приехать в Ялту, но ведь я служу в Москве, отлучаться мне не очень удобно, тем более что я был долго в командировке, и я хотел бы, чтобы моя поездка была не зря, а в точно назначенный срок. Да и сама поездка теперь стоит очень дорого.

Задаточную или запродажную ты можешь заключить у нотариуса *решиительно* безо всяких документов (важно только указание границ [участка]), единственно только с паспортом.

Через 3—4 дня я уезжаю в Москву, поэтому пиши или телеграфируй мне Москва Скачки.

Китти в Скадовске.

Совершение запродажной и купчей знаю хорошо, т.к. только что заключал эти акты для скакового о[бщест]ва как казначей. Итак, жду ответа.

Твой Ф. Дост[оевский].

Предполагаю, что тебе может понадобится помощь присяжн[ого] поверенного. В Симферополе есть мой хороший знакомый Марк Абрамович Фрешкоп. Это *лучший* пр[исяжный] повер[енный] Округа. Можешь ему написать с просьбой указать тебе надежного адвоката в Ялте; на его совет можешь положиться вполне. Его адрес: Симфероп[оль], соб[ственный] дом.

Там же. Л. 14—16 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского. Заказное письмо до востребования сравнительно быстро дошло до адресата. См. на конверте почтовые штемпели: «Пятигорск 18.10.17» и «Ялта 23.10.17». — Там же. Л. 13—13 об.

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф.Ф. ДОСТОЕВСКОМУ

Октябрь 1917⁶. Ялта.

Отель Парк

Милый Федя, извини за скверную бумагу, другой нет (ах, если б ты знал, как многого здесь нет). Оба письма (и на почту, и на Парк) я получила, благодарю за советы и напишу Фрешкопу⁷. В таком деле на одну себя не надеюсь, да особенно на больную. А здоровье мое все еще слабо: его определяет докторша мозговым малокровием, доктор — каким[-то] латинским названием. У меня отличный сон, волчий аппетит, я пополнила, жару не бывает, сижу одетая (прежде не могла) с 10 до 6 часов дня, хожу по коридору, не рискуя упасть, тогда как прежде меня отбрасывало в сторону или навзничь, но все еще не смею выходить из комнаты, к тому же началась очень неприятная осень. Доктор отлагает с недели на неделю мое полное выздоровление. Сама я чувствую, что силы прибывают, но не прибывает энергии, [так] как ничего не хочется ни делать, ни писать.

Ко мне никто не ходит, пришли по разу и забастовали. Если б не Петр Петр[ович]⁸, бывающий у меня ежедневно от часу до 4-х, то я бы погибла: он покупает и приносит газеты, лекарства, бумагу, чернила и пр[очее], снабжает деньгами. Он действительно необыкновенно добрый человек, а не только посредник по продаже участка⁹.

В Парке меня мучает не только прислуга, но и сам хозяин, приходящий мне читать часами нотации, зачем, дескать, ко мне никто не приедет и за мной не присмотрит, зачем я не возьму в сиделки сестру его жены (когда я предложила ей 50 руб[лей] за дневной присмотр, то он с негодованием отверг эту цену). Пожалей меня, дорогой Федя, и пожелай, чтоб я вынесла все эти мучения, на которые, впрочем, не ропщу, очевидно, так мне следует.

Теперь о деле.

Дело с Тизенгаузенем, по-видимому, не пошло¹⁰. Как я писала, сначала они были так очарованы, что согласились на предложенную Петр[ом] Петр[овичем] цену — 210 тыс[яч] и их купчую и 20—25 т[ысяч] задатка. Но потом пошли на попятную и в назначенный день ко мне не приехали под предлогом, что не желают беспокоить больную. Дня через три [мы с Суха-

новым] позвали его к себе завтракать. Заговорили об участке, П[етр] П[етрович] говорит, что будет показывать его другому. Просили дать обдумать и хотели поторговаться со мною.

— Какая же Ваша оконча[тельная] цена? — спрашивал П[етр] П[етрович].

— Сто семьдесят пять тыс[яч] и купчая.

— Ну, столько она не уступит.

— Ну, мы набавим, а она пусть уступит!

На том и порешили. Но из расспросов выяснилось, что сейчас у них в Банке здесь 14 т[ысяч] и они могут дать задат[ок] 10 тыс[яч], а чрез очень скорое время могут дать еще сколько-то: 25—30. Кроме того, зашел разговор: нельзя [ли] 150 или 140 [тысяч] оставить под вторую закладную на год или на два, за 6 или 7 % годовых. По правде, я бы на это не прочь: по крайней мере, не сейчас совать полученные деньги, куда попало. За эти 1—два [года] все уляжется и можно спокойно устроить.

П[етр] П[етрович] советует уступить, но не дешевле 200 [тысяч] и тогда ему придется получить уже только около 4000 (2 % обыкн[овенных]), но уже *с меня*. Но он ждет с часу на час приезда другого покупателя, именно брата Тизенгаузен, самого табачника Богданова¹¹, который соперничает с сестрой и тоже хочет купить этот участок и будто бы дает 210 тыс[яч] и почти уверен в этом. Не знаю, как же может Богд[анов сделать это]¹². Вот, в каком положении [дело].

Ты ошибаешься: бумаги мои лежат в жестян[ом] ящике в Ссудной кассе под расписку. Получить без затруднений от 11-ти до часу или двух. Имеется квитанция, расписка, по которой взыщут руб[лей] 10 и выдадут. Беда в том, что по расписке могут выдать или мне, или Екатер[ине] Петровне¹³, но в виду отъезда нас обеих, я выдам тебе заказанную доверенность и, кроме того, там меня знает начальник Хомяков¹⁴ и выдадут без затруднений. Ключа тоже высылать не нужно, он висячий, его просто сломать, вынуть бумаги и выслать сюда.

Кстати: не поедет ли Китти в Петрогр[ад] по делам своего жилья, вот и захватила бы его [Жестяной ящик. — В.А.], и ехать тебе не нужно.

Обнимаю тебя и люблю. Что выяснится — напишу.

У меня *своих* покупателей 5 человек. Но я пока считаю себя больной.

Твоя любящая мама
А.Д.

Имеется покупатель Г[риши?].
Помолись обо мне. Боюсь я за себя.

Там же, карт. 3, ед. хр. 59-а. Л. 4—4 об. Автограф. Курсив А.Г. Достоевской.

Ф.Ф. ДОСТОЕВСКИЙ – А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ

I

6 ноября [1917 года
Москва]

Милая мама [!]

27 октября получил твое письмо и тотчас же 27 октября перевел тебе телеграфом 300 р[ублей] и очень боюсь, что ты их до сих пор не получила, т.к. 27-го вечером началась в Москве братоубийственная война и только сегодня (как говорят) почта начала действовать. Вообще все время о тебе ужасно беспокоюсь. Ты одна и больна. Я совсем не знаю, есть ли кто-нибудь у тебя знакомые? Кто в Ялте может тебе помочь или о тебе похлопотать?

Здесь, в Москве, Бог знает, какая безурядица и каждый день могут вспыхнуть новые беспорядки. В случае, если сложится безвыходное положение, я постараюсь уехать из Москвы, а куда — не знаю. Поэтому помни, что Китти в Скадовске, и в случае чего пиши и телеграфируй ей.

Теперь о продаже участка. Повторяю еще раз, что если бы не было такого ужасного времени и плохих дел у тебя и у меня, то я безусловно был бы против продажи. Сколько теперь стоит наш рубль — никто не знает и как сохранить деньги — тоже неизвестно. Но вот в чем дело: теперь пойдет в России такой кавардак, что всего можно ожидать. Поэтому надо действовать решительно — либо не продавать совсем, либо продавать, не считаясь с ценой, лишь бы спасти хоть часть денег.

Поэтому обдумай и действуй решительно.

À propos*. В Ялте, где именно, я точно не знаю, но скорее всего в гост[инице] Россия¹⁵, живет Мария Сергеевна Малич и ее дочь Елизавета Владимировна¹⁶. Конечно, лучше к ним не обращаться, но если понадобится в крайности — обратись к Мар[ии] Сер[геевне]. Она имеет деньги и поможет. Напиши мне, как дела и получила ли 300 р[ублей]? Надо ли еще?

Получила ли ты 300 р[ублей], посланные мной в Адлер [?] Пиши. Целую.

Твой люб[ящий] сын Ф. Дост[оевский].

Там же, карт. 4, ед. хр. 34-а. Л. 17—18 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского. Заказное письмо, отправленное в отель «Парк», получено адресатом вовремя. На конверте сохранился только один почтовый штемпель: «Ялта 14.11.17». — Там же. Л. 23—23 об.

II

7 ноября [1917 года
Москва]

Милая мама,

Дело в том, что в Москве очень беспокойно и сегодня графиня Рибопьер (Алекс[андра] Иосифовна¹⁷) спрашивала меня, можно ли найти квартиру в Ялте. Еще ранее она просила меня дать твой адрес, чтобы написать князю Трубецкому¹⁸, чтобы он тебя посетил и осведомился о твоём здоровье. Я знаю, как ты не любишь таких ненужных знакомств, и поэтому сказал, что ты переехала и я точного адреса не знаю, а пишу тебе *postestante*.

Сегодня она опять меня спрашивала, как ей туда ехать и где остановиться. И вдруг, неожиданно для меня, спросила, не хотим ли мы продать ей нашу дачу. Это мне очень не понравилось. Во-первых, она — человек совсем не деловой, но с хитрецей, и если бы она покупала, то, наверно, предложила бы какие-нибудь бумаги, т.к. деньги у них в бумагах, кажется, в облигациях Крестьянск[ого] Земел[ьного] банка. Биржа сейчас официально не открыта — курс бумаг более номинальный, чем действительный, вообще ты знаешь, как трудно продавать знакомым. Поэтому

* Кстати (фр.).

предупреждаю тебя о ее предложении, т.к., быть может, они тебя запросят. По-моему, лучше ее предложение отклонить под каким-либо предлогом.

Пожалуйста, напиши о делах. Меня оч[ень] беспокоит, получила ли ты 300 рублей, к[о]т[орые] я тебе перевел по телеграфу, а также те 300, которые должны были тебе переслать из Адлера. Пожалуйста, пиши, я очень беспокоюсь.

Твой любящ[ий] сын Ф. Достоевс[кий].

Там же. Л. 19—19 об. Автограф.

III

9 ноября [1917 года
Москва]

Милая мама,

Сейчас получил твое письмо. Твое болезненное состояние меня *чрезвычайно* огорчает. Вчера написал Лизе Малич¹⁹, чтобы она тебя посетила. Здесь события ужасны и, кажется, скоро все встанет. Боюсь, что это письмо скоро не пойдет.

О деле. Никоим образом не делай закладной. Лучше продать дешевле, чем закладная. Много лет будем мучиться и судиться. И в мирное время получать по закладной было трудно, а теперь и совсем невозможно будет.

Также задаток небольшой брать нельзя — самое малое тысяч 30—40. Иначе это одна затыжка и опять суд.

Очень беспокоюсь, получила ли ты мой телеграфный перевод 300 р[ублей]? Получила ли 300 р[ублей], посланные мною из Пятигорска в Адлер?

Напиши мне точно, в каком положении твои финансы, сколько тебе нужно в месяц и не надо ли прислать еще? Сейчас в Москве по переводам не выплачивают — не знаю, как у вас в Ялте.

Ради Бога, пиши чаще, очень беспокоюсь.

Твой любящий

Ф. Достоев[ский].

Там же. Л. 20—20 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского.

24 ноября 1917 [года
Москва]

Милая мама [!]

Почта ходит очень плохо. Вчера только я получил доверенность, а сегодня твое письмо от 24 октября. Почти через месяц.

Не знаю, надо ли мне спешить ехать в Петроград за бумагами. Сейчас банки совсем не выдают денег, дают не более 100 р[ублей] зараз, %[-ных] бумаг не покупают и не меняют во все; и в Москве, и в Петрограде, как мне хорошо известно, всякие сделки приостановились.

Затем является большим вопросом, стоит ли сейчас продавать землю? Официально наш рубль сейчас упал в 5 ½ раз, т.е. стоит 16—17 коп [еек], а неофициально за рубль более 10[-ти) к[опеек] никто не дает. Например: франки стоили 37 к[опеек], теперь офиц[иально] 2р. 50 копеек, не офиц[иально] 3. 75; фунт стерл[инга] стоил 10 р[ублей], теперь офиц[иально] 48 р., не офиц[иально] 100 р.; доллары еще дороже.

Итак, если Любовь Федоровне²⁰ переводят 375 рублей, то она получает только 100 франков, а швейцарских еще меньше.

Следовательно, если продать землю, напр[имер], за 180.000 руб[лей], то фактически это значит, что земля продана за 20.000.

Между тем ведь земля никоим образом не потеряла своей стоимости и как бы низко рубль ни упал, земля по-прежнему стоит около ста тысяч по *прежнему старому* счету, другими словами, какая бы конверсия рубля ни произошла, но при возрождении земля будет стоить столько, сколько она стоила раньше. Мне кажется, что продать землю сейчас — это безумие. Сейчас аннулированы внешние займы и скоро будут аннулированы внутренние. Бумаги сейчас нигде не принимаются.

Ты скажешь, что нужно где-нибудь жить. Я скажу, что лучше продать (даже не дорожась) кавказский участок, лучше заложить под закладную ялтинский участок, чем продавать. Необходимо переждать денежный кризис.

Сейчас в Петрограде и Москве много покупают домов финляндцы и шведы и платят финляндскими и шведскими деньгами, также английскими и американскими.

Вчера я познакомился с французом, который приехал из Ялты, — Жильбер[ом]-Жибер[ом] или что-то в этом роде²¹. П.П. Суханов его, наверно, знает, у него хутор около Балаклавы. Этот Жибер 3 года назад купил за верхней Алушкой место за 900 руб[лей]. Сейчас ему давали 30 тысяч! Он рассказывает, что англичане покупают табак и платят чеком на английский банк.

Быть может, при полном обесценении рубля мы найдем покупателя-иностранца и это будет много выгоднее.

Итак, если не продала еще, то слава Богу. И не продавай. Ведь могут конфисковать все капиталы. Об этом усиленно говорят.

От тебя писем нет. Ради Бога, напиши, как твои финансы — я этим ужасно мучаюсь. Письма идут целый месяц; если что нужно, то телеграфируй — телеграммы все же доходят исправно.

Итак, сердись не сердись, а мой совет, напиши, чтобы продавали кавказский участок, и заложил ялтинский, хоть нижнюю половину.

Пиши. Твой Федя.

P.S. Закладную, я думаю, я мог бы устроить даже в Москве, конечно, заглазно можно только небольшую.

Сейчас получил письмо от 16 ноября уже из Франции²². Боясь, что ни Гриша²³, [ни Андрей Андреевич] (лучше Андр[ей] Андр[еевич]²⁴) не сумеет получить пенсии. Нигде более 100 р[ублей] не выдают — лучше сделать перевод на ялтинск[ое] казначейство. Я разужнаю, что надо сделать.

Там же. Л. 21–23 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского.

V

[Конец ноября — начало декабря 1917 года
Москва]
Срочная [телеграмма]
Ялта г[о]ст[и]н[и]ц[а]
Франция Достоевской

Убедительно прошу не продавать до приезда моего знакомого с письмом.

Достоевский

Там же. Л. 28. Датируется условно по содержанию.

VI

[Начало декабря 1917 года
Москва]

Милая мама [1]

Это письмо передаст граф Татищев²⁵, к[о]т[орый] знает нескольких лиц, желающих приобрести участок земли в г. Ялте, и может оказать тебе содействие.

Прошу тебя ничего не говорить П.П. Суханову о покупателях со стороны графа Татищева.

Любящий тебя сын

Ф. Достоев[ский]

Там же. Л. 24—24 об. Автограф. Датируется условно по содержанию и ответному письму А.Г. Достоевской.

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Ф.Ф. ДОСТОЕВСКОМУ

Ялта 4 дек [абря]
1917 г.

Дорогой, милый сын Федя!

Давно я тебе не писала, это потому, что ни о здоровье, ни о делах не могла написать ничего хорошего. Здоровье поправляется, но так медленно, что терпения не хватает. Подумай только, 2 ½ мес[яца] сижу без воздуха, ни шагу из комнаты. Доктор говорит, что, помимо закупорки мозга, у меня было воспаление прямой кишки (колит) и обе болезни тяжелые, от которых медленно поправляются. Я даже по комнате хожу с палочкой из боязни опрокинуться. На днях ночью, идя к ночному шкафчику, не удержалась, упала и жестоко расшибла голову и крестец, так что теперь не могу лежать на правой стороне. Пожалей твою такую одинокую больную мать.

Что сказать о делах: они у всех приостановились, потому что ни у кого нет денег на задаток, — не выдают. Но цены на земли растут и меня агенты уверяют, что участок можно продать за 230 тыс[яч]. На днях явился *солидный* покупатель, мой

сосед Волженинов²⁶. Он только что продал выгодно свою дачу и хотел куда-нибудь спрятать свои деньги. Он давал мне 210 тыс[яч] руб[лей] и брал половину купчей на свой счет. Но назавтра принес газету, в которой сказано, что с 1918 [года] подати с земли подняты до 15 руб[лей] с кв[адратной] сажени и таким образом ему пришлось бы платить за мою землю 7500 [рублей] в год. Конечно, дело расстроилось. А мне было жаль, потому что и деньги верные, и с хорошим человеком пришлось бы иметь дело.

Твое *запретительное* письмо я получила²⁷ и т[ак] к[ак] не мне пользоваться деньгами от продажи, то, конечно, отказываюсь продавать. Я *чрезвычайно* жалею, что не удалось продать Тизен[гаузену] за 200 тыс[яч] руб[лей], даже за 180 тыс[яч] р[ублей] и, возможно, что мы все будем жалеть, что не воспользовались теперешней бешеной ценой. Конечно, чрез полгода дело насчет капиталов выяснится и цены на земли понизятся и их некоторое время покупать не будут. Но нотариус уверяет, что очень понизиться они не могут, потому что купившие по дорогой цене захотят прибыли и та высокая теперешняя цена (40—50—60 руб[лей] за кв[адратный] сажень) если и понизится, то никогда не упадет до прежней цены 10—15 руб[лей] за кв[адратный] саж[ень].

Агентам я не отказываю, [не говорю], что не продаю: пусть водят смотреть участок. Авось кто-нибудь из посмотревших захочет его купить за более умеренную цену. Но вот беда: что теперь делать? Твой проект продать кавк[азский] участок *невыполним*: ведь он в залоге у казны на 37 лет и надо выплатить всю покупную сумму 1369 [рублей] с % и исполнить все условия контракта, без чего казна не выпустит из рук. Да и какое безумие продавать этот кавк[азский] участок. Ведь он и теперь, купл[енный] по 4 коп[ейки] за кв[адратный] сажень, стоит по 2 р[убля] за сажень, а ты по ялтинской земле можешь видеть, до чего может вырасти цена, а теперь за нее дадут тыс[яч] пять, не более. Да я и сама могу прожить еще несколько лет и надо же мне где-нибудь жить на даче. Расставаться с участком я не могу, столько на него положено забот, сил и денег. Если ты и Китти так категорически отказываетесь от будущего богатства своих детей²⁸, то я устроюсь иначе и передам его в руки *не чудаков*, а людей, которые оценят мои многолетне принесенные

жертвы. Часть ялтинс[кого] участка я согласна и заложить с тем, чтобы при первом благоприятном положении дел продать его хотя бы и за пониженную цену.

Вопрос для меня теперь только в том, как прожить полгода, пошлины взыскивают летом и осенью. Но теперь-то я в очень тяжелом положении и, если Гриша не пришлет моей пенсии, то я сижу без копейки и если бы ты мог мне прислать 200—300 руб[лей] (по почте, а не по телеграфу), то я была бы покойнее. Я верну и тебе, и Китти, как только у меня появятся деньги.

Очень мучает меня Лиля²⁹, упрекает в черствости, что я ей не высылаю денег, а где я их возьму? Я послала ей 400 [рублей] в августе, теперь из пенсии Гриша пошлет еще 400 р[ублей], а там в феврале надо еще 400. Вот что меня сокрушает.

Моя болезнь мне дорого стоила: доктор, лекарства (они безумно дороги: 6 р[ублей] 88, 5 р. 76 к., 3 р. 25 и пр.) и на наем сиделки, сестры милосердия, которая растирала мои распухшие ноги. Плачу я во «Франции» за 2 небольш[ие] комнаты в день 3 р. 50 к. + 50 копеек за электр[ичество]. За обед (одно сытное блюдо 3 руб[ля]), но в общем за неделю скопляется на 80 руб[лей], к которым надбавка за прислугу 15%, т.е. 12 р[ублей]; в результате в месяц я выплачиваю прислуге около 50 р[ублей] — это обидно, но неизбежно. Когда мне позволят выходить (а когда это будет? доктор умоляет сидеть дома при здешней холод[ной] погоде), то я поищу подешевле, а с весны думаю переселиться к себе на дачу, которая пустует. Все-то беды пали на мою бедную голову: ст[аро]-русск[ий] дом тоже пустует, на Кавказ ехать немислимо — сторож убьет³⁰. Вот как мне приходится проводить последние годы моей жизни, а сама виновата: должно было давным-давно продать участок хотя бы за 40—50 тыс[яч] и положить на свое имя, а что не проживу, то пусть получают наследники!!

До свиданья, дорогой Федя, если б ты знал, как мне тяжело живется. Твоя любящая мать

А.Д.

Там же, карт. 3, ед, хр. 59-а. Л. 5—7 об. Автограф. Курсив А. Г. Достоевской.

На конверте заказного письма А.Г. Достоевская вывела: «Москва Скачки Федору Федоровичу Достоевскому»

Отправ[итель] А. Достоевская Ялта, гост[иница] Франция». — Там же. Л. 8. Курсив А.Г. Достоевской. Сохранился и почтовый штемпель отправителя: «Ялта 8.12.17». — Там же.

Ф.Ф. ДОСТОЕВСКИЙ — А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 дек[абря] 1917 года
Москва]

Милая мама!

9-го твои именины, поздравительные телеграм[м]ы не принимаются и, хоть это письмо придет с опозданием, все же посылаю тебе мое сердечное поздравление.

Вчера выехал в Ялту граф Татищев, человек вполне приличный, но слабохарактерный, с бурным прошлым, был когда-то очень здесь известный адвокат, но адвокатуру по разным обстоятельствам покинул³¹. Последние годы занимается разными делами, даже и комиссионерскими, имеет много знакомств и связей. Его дв[оюродный] брат известный банковский деятель³², оч[ень] богат[ый] человек, живет сейчас в своем имении и скупает земельные участки.

Татищев уверяет, что если бы этой осенью он знал про наш участок, то несомненно нашел бы хорош[его] покупателя. Возможно, что и сейчас он найдет человека.

Надеюсь, что ты получила мое письмо, где я отсоветываю в настоящий момент продавать. Положение такое, что даже нельзя положить деньги в банк. Положишь — а их у тебя отберут полностью или частью. Надо переждать момент, когда все более или менее успокоится и будет более положительное время и правительство. На мой взгляд, очень хорошо было бы сделать закладную тысяч на 50 — это всех нас устроило бы, да и землю, раз на ней числится долг, не так-то легко отобрать или отсудить, как это проектирует сделать нынешнее правительство в Смольном³³.

Я знаю, что ты очень боишься таких закладных. Но я *знаю*, что такая закладная *не более 50[-ти]* тысяч нам не страшна, т.к. земля *всегда* стоит много дороже и всегда возможно найти другого залогодателя, если потребуется. Да и захватить землю по закладной в высшей степени *не* легко.

Жду от тебя ответа и вообще более частых писем. Все время беспокоюсь. Прислал ли Гриша деньги? Очень боюсь переводить, т.к. в Москве почта не платит по переводам.

Целую. Твой сын Ф. Д[остоевский].

Там же, карт. 4, ед. хр. 34-а. Л.26—27 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского.

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ – Ф.Ф. ДОСТОЕВСКОМУ

I

11 декабря [1917]
Ялта. Гост[иница]
«Франция»

Милый, дорогой Федя! Хотя я и писала тебе всего несколько дней тому назад, но т.к. накопилось новое, то я и пишу.

Во-1-х, был у меня твой знакомый гр[аф] Татищев. Очень милый человек, обещал съездить на участок сегодня и посмотреть. Говорит, что у него есть несколько лиц, которые хотели бы участок купить. (Я мимоходом сказала, что даю 2% с суммы, за что продано; он отмолчался или, вернее, что-то пробормотал; я не возобновляла об этом разговора). По правде, я думала, что приедет какой-нибудь иностранец, которому мы и продадим на лондонские или шведские деньги. А то теперь выходит противоречие между твоим последним *запретительным* письмом, где ты меня уговариваешь *не продавать* (и твоему запрету я покорилась и перестала слушать предложения покупателей), и как бы с твоей стороны *разрешением* продавать теперь же, хотя бы тем лицам, которых представит твой знакомый. Что же мы, *продаем* или *не продаем?* и пускаемся на риск их сохранения или оставляем продажу участка до того времени, когда все войдет в некоторый порядок? Дорогой Федя, этот вопрос надо решить *окончательно* и я прошу тебя об этом написать. Я покоряюсь всякому твоему решению, но надо, чтоб оно было *окончательное* и чтоб мне отгонять представляющихся покупателей.

Теперь о другом: Суханов нашел покупателя, князя Щербатова³⁴, который дает за участок от 175 до 180 тыс[яч]. Но т.к. он поку-

пает не для себя, а кажется, для Ольденбургского³⁵, то сначала предложил, что мне заплатит 180 т[ысяч], а что он возьмет лишнего, то пусть мне будет все равно; на это я не согласилась, потому что было бы обидно, если б он взял с О[льденбургского] 230 [тысяч], а я получила бы всего 180 т[ысяч]. Но теперь [он] согласен получить от меня 5 тыс[яч], а Суханову около того же — 2%, т[аким] обр[азом] участок пойдет за 170 тыс[яч]. Выгодно ли это? И да, и нет. Не продадим за столько, а что, если участ[ок] останется за нами? Если решишь *продать*, то обдумай это, я просила у них на обдумывание срок в 2 недели, т.е. на переписку с тобой.

А вот еще интересное известие: на днях приходил молодой, хорошо одетый татарин и спрашивал, продана (у жилицы) ли дача и за какую цену. Та ответила, что мне дают за нее 250 тыс[яч], но я хочу за нее больше. «- А за 300 тыс[яч] отдает? — Кто же покупает? — А мы, татары». Ему дали мой адрес, но он ко мне не приходил. Я думаю, не от Бебеша³⁶ ли это посланец (я к нему не обращалась, но теперь его поищу). Пошлю к нему Бекира³⁷ (того нашего сторожа, кот[орый] меня разыскал). Ведь Бебеш говорил, что есть богат[ый] татарин, который может купить всю Ялту. Ведь, пожалуй, ввиду того, что почти все земли запроданы, «татары» и дадут мне хорошую цену.

Обдумай и это и напиши, но не откладывай.

Твоя любящ[ая] мама

А.Д.

Там же, карт. 3, ед. хр. 59-а. Л. 9—10 об. Автограф. Курсив А.Г. Достоевской. На конверте простого письма указан прежний московский адрес Ф.Ф. Достоевского. Сохранились почтовые штемпели, свидетельствующие о том, что почта в это время исправно работала: «Ялта 12.12.17» и «Москва 28.12.17». — Там же. Л. 11—11 об.

II

8 янв[аря] 1918
Ялта, «Франция»

Дорогой, милый мой Федя,

Искренно благодарю тебя, что ты вспомнил о дне моего Ангела³⁸, и крепко тебя за это целую. Ты послал письмо 8-го

декабря, а оно пришло только сегодня, и как я была ему рада. Значит, хоть из Москвы письма да будут приходить, а то больше 5[-ти] недель нет писем ни из Петрограда, ни из Москвы. Ни писем, ни денег. А между тем я еще в начале декабря ожидала получить за «Село Степанчиково»³⁹, потому что в половине нояб[ря] просила Моск[овское] Общ[ество] прислать все, что скопилось с начала представлений по 1-е декабря⁴⁰. Напоминала и второй раз⁴¹, и все напрасно. А они всегда так аккуратны! Не съездил бы ты в Общ[ество] (Брюсовский переул[ок]⁴²) спросить, не затерялись ли мои письма (оба заказные), и сказал, чтобы они поторопились мне выслать по 1-е января (хотя бы частями, если нельзя разом). Я сижу совершенно *без денег*. Я получила от тебя (посл[анные] в Адлер) 300 р[ублей]; потом посланные в Ялту 300 р[ублей] и перед Рождеством в 2 раза по 100 р[ублей]; всего 800 р[ублей]; да у Китти взяла 50 р[ублей], да осенью из Моск[овского] Общ[ества] за что-то 41 р[убль]⁴³. Вот все мои деньги, и я прожила на них без недели 4 месяца. Сравнительно это немного, принимая в соображение, что доктор, сестра милосердия для массажа распухших ног и дорогие лекарства стоили мне более двухсот руб[лей]. Но теперь я совсем [без гроша] и в ожидании получения пенсии (следует получить более 1000 р[ублей]) мне даст в долг Петр Петров[ич]⁴⁴. Но долго так продолжаться не может и я была бы тебе очень признательна, если б ты нашел возможным прислать мне 300 или 200 руб[лей]. Каждая неделя в гостин[ице] мне стоит 80 р[ублей] + надбавки в пользу прислуги 12 р[ублей], таким образом я плачу прислуге в месяц 50 руб[лей]. Когда я поправлюсь и буду выходить, я поищу себе дешевле, но все-таки меньше, как за 300—350, устроиться нельзя. Мне надо усиленное питание, а я беру одно плотное кушанье: телятина, буженина, пожар[ские] котлеты (3 штуки за 3 р[убля] 50 к[опеек], а т[ак] к[ак] их три куса, то достает на ужин и на утрен[ний] завтрак). Но хлеб дают по карточкам по полуфунту на человека. Где же тут вернуть свои силы?

Про здоровье скажу, что оно значительно лучше, сплю по 10—12 часов в ночь. Выйду не ранее 1-го февраля, когда будет тепло.

Что сказать о делах? Кн[язь] Щербатов и Витенберг⁴⁵ держатся своего слова и ждут обещанного ответа из Петрограда от тебя. Кажется, им понравилось, ходят и размеряют, где построить гаражи. Авось не уйдут, но боюсь, что в виду упадка цен станут торговаться и придется уступить.

Татищев у меня был, подробно расспрашивал, смотрел планы и обещал на другой же день поехать осмотреть участок и с тех пор не был.

Если не удастся продать (т.е. не изменится правит[ельство]), то буду зондировать, нельзя ли заложить или продать нижний участок [в] 1249 кв[адратных] саж[ень]. Кстати, обрати внимание: ведь необходимо достать из Петрограда тот жестяной ящик, квитанцию на который я тебе прислала. Представь себе такое положение: все опасения улягутся, а Петроградом овладеет Вильгельм⁴⁶, и тогда прощай ящики и никакой продажи, ни залога сделать нельзя. Не пропусти возможности съездить за ящиком в Петроград. Это очень важно, пока нет опасности туда поехать.

Обнимаю тебя и люблю горячо.

Твоя мама А.Д.

Там же. Л. 12—14 об. Автограф. Курсив А.Г. Достоевской.

Ф. Ф. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 янв[аря] 1918 года
Москва]

Милая мама[!]

Твое положение в высшей степени меня беспокоит. Ты по-прежнему живешь, точно на свете ничего не случилось. Пишешь запрос письмом, а письмо либо вовсе не доходит, либо идет месяцы. Ждешь пенсию от Гриши, между тем 1) казначейство заперто или разбито; 2) никакие переводы, особенно крупных сумм, не принимаются и не доходят. Я тебе сделал 2 перевода (телегр[афом]) по 100 руб[лей] и просил уже телеграммой моего знакомого И.С. Стрепетова⁴⁷, пр[оживающего] в Ялте (должен бы находиться в г[остинице] Россия), чтобы он послал тебе во Францию 200 р[ублей].

Получила ли ты эти переводы или хотя бы часть пенсии — мне ничего неизвестно. Попробуй немедленно послать мне доверенность на получение гонорара из О[бщест]ва в к[о]т[ором] ты состоишь членом. Ведь я сам бьюсь, как рыба об лед⁴⁸. Уже 2 месяца почти, как заперты все банки и получить что-либо стало невозможным. Все сидят без денег, [в том числе и] самые богатые люди. Сейчас запрещены все сделки с % бумагами, а потому бумаги ничего не стоят. Готовится декрет об ан[н]улировании всех %[-ных] бумаг, т.е. уничтожение [их]. Все сразу будут нищими⁴⁹.

И вот в эти дни общего бедствия — ты меня обвиняешь в каком-то «запретительном» письме. Ничего я тебе не запрещал, а писал то, что есть, дабы ты яснее понимала положение вещей. Советовал заложить дачу. А ты мне пишешь, что согласна заложить одну часть дачи. Пойми, [что] сделки и доплаты запрещены, что ни один нотариус закладной не совершит, а потому, если тебе дадут денег, то только лица знакомые, по взаимному доверию, где же еще разбираться, закладывать все или часть, когда нет ни одного источника денег и скоро мы будем сдыхать с голоду! Итак: если в Ялте есть еще дураки, то: продавай, закладывай, занимай под землю — вот все, что я могу сказать. Но нельзя брать %[-ных] бумаг, нельзя ни копейки класть в банк. Что будет дальше, смогу ли я что-либо тебе прислать, я не знаю.

Еще раз пишу, что Ссудная касса в Петрогр[аде] заперта, а сторожа говорят, что она эвакуирована⁵⁰.

Ради Бога, *важное* не пиши, а телеграфируй. Очень, очень озабочен и огорчен.

Твой Ф. Дост[оевский].

Там же, карт. 4, ед. хр. 34-а. Л. 29—30 об. Автограф. Курсив Ф.Ф. Достоевского. Заказное письмо сравнительно быстро было получено адресатом: «Москва 14.1.18» и «Ялта 19.1.18». — Там же. Л. 31—31 об.

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ – Ф.Ф. ДОСТОЕВСКОМУ

I

21 янв[аря] 1918

[Ялта]

Я очень жалею, дорогой мой сын Федя, что я доставляю тебе заботы. Пожалуйста, не беспокойся. Я послала тебе телеграмму, что «нуждаюсь»⁵¹, потому что задолжала гостинице за три недели и она стала напоминать⁵². Но, к счастью, мое положение изменилось. Ко мне зашла Юлия Владимировна Волкова (библиотека)⁵³ и, узнав, что я сижу без денег, согласилась дать мне чек на 500 руб[лей] на Городской Банк, и я завтра из них получу 250 р[ублей], а затем на след[ующей] неделе остальные. Расплатившись с хозяйкой, буду иметь кредит на 4–5 недель. А тут могут подойти деньги и я справлюсь. Поэтому до поздней весны оставь заботу обо мне, как-нибудь обернусь. Посылаю тебе срочную телеграмму, что денег не надо⁵⁴.

Вчера одновременно с твоим письмом (шло 7 дней) получила извещение от Москов[ского] Общества, что они выслали еще 12 декабря на мое имя 1193 руб[ля] (это расчет по 1-е декабря)⁵⁵, но я этих денег еще не получала, да навряд ли скоро и получу. Если получу, то куда мне прислать твою часть, к Китти или в Москву, и, если прислать все, это около 600 р[ублей], то простым переводом или телеграфом? От Гриши пенсии не получала и мне говорят, что и пенсии уничтожены. Но ведь должны они выдать за прошлый год, если запрещено теперь. Я очень беспокоюсь насчет бедной Лили. Если аннулируют % бумаги, то ведь она сидит без денег. Я просила Гришу переслать по телеграфу ей 400 руб[лей], но Гриша даже открыткой вести о себе не подает⁵⁶. Как меня мучает наше общее положение, я и сказать тебе не могу. Но что об этом говорить, лишь бы как-нибудь перетащить это тяжелое время. Неужели Господь не сжалится над нами и не поможет нам?

Ты, вероятно, слышал, что у нас в Ялте больше недели происходил бой матросов с татарами, которые взялись было нас защищать. Матросы объявили, будто эскадронцы подкуплены буржуями, и прислали миноносец и несколько пароходов. Стреляли днем и ночью, совершенно куда попало, татары отвечали им пулеметным огнем. Выпущено 390 бомб, 6%–8% у нашего дома, разорвалась одна и перебила стекла. Слава Бо-

гу, я живу во дворе, но кто живет окнами на набережную, те пострадали⁵⁷. Масса чахоточных и больных ночевали в подвалах, в церковном склепе среди гробов. Много расстреляно. Вчера бой кончился в пользу большевиков и были торжеств[енные] гражданские похороны. Убито 24 матроса, да еще убито и ранено около 30 человек. Могилу устроили на набережной, в Городском Саду, где помещался оркестр. Зарыли не глубже полуаршина и ничем не засыпали, и летом будет зловоние, а может, и зараза. На лето я переселюсь к себе на дачу, чтобы не платить за квартиру. Впрочем, до лета далеко. Может, к тому времени нас всех перережут. Я так привыкла к мысли о внезапной смерти, что ничего не боюсь⁵⁸.

Если придется умереть, помни обо мне хорошо. Я всегда вас обоих любила и работала, не покладая рук. Люблю и теперь. Обнимаю тебя горячо и остаюсь любящая мать

А.Д.

Покупщики держатся за участок, но у них нет денег для задатка. Выдают не более ста [рублей] в неделю. Нотариус продолжает совершать продажи и закладные. Я еще надеюсь продать. Сегодня твой знакомый Стрекалов⁵⁹ принес мне 200 р[ублей]. Сообщаю, что получила от тебя два раза по 300 р[ублей] и два раза по сто рублей.

Узнай, не эвакуирована ли в Москву Ссудная касса из Петрограда. Очень вероятно, и тогда ее можно достать⁶⁰.

Там же, карт. 3, ед. хр. 59-а. Л. 15—17 об. Автограф.

II

30 янв[аря] 1918 г.
[Ялта]

Милый, дорогой Федя!

Вчера я получила твое письмо от 17 декабря, где ты советуешь искать человека с деньгами⁶¹. Даю на это мое согласие и могу выслать нотариальную доверенность и необходимые бумаги (копии с купчих), а если их не надо, то закладывать надо усадебное место с домом в 4 комнаты, а не участок пустопорож-

ний — могут взять. Покупщики еще держатся, но понизили цену: вместо 175 тысяч дают 125. Но я не соглашаюсь, потому что рассчитываю, что на Святую⁶² опять наедут приезжие. Теперь все отсюда бегут и платят за автомобиль до Симферополя за место от 1000 до 1400 р[ублей]. Твой знакомый, принесший мне 200 руб[лей], говорил, что он жил в «России» и что его обокрали на 20 тыс[яч]. «Россия» разбита и все рассеялись и платят за стол и помещение до 2400 [рублей] в месяц. Просто грабеж, да и только. Я еще отделяюсь 300—400 рублями в месяц и имею кредит. Мне дала займы г-жа Волкова 500 руб[лей] на год, да г-жа Косарева⁶³ 200 р[ублей] обещала дать, так что до 10—15 мая тебе нечего беспокоиться. От Гриши денег не получала, из Моск[овского] Худ[ожественного] Театра тоже, хотя они и известили о том, что выслали в Ялту 12 декабря 1193 руб[ля]. Не знаю, что мне делать с этими деньгами, если они придут, т.е. отослать ли около 600 р[ублей] тебе или Китти или оставить всю сумму у себя. Дело в том, что «Степанч[иково]» шло прекрасно и, очевидно, имеет успех. За 3 месяца : сент[ябрь], окт[ябрь], ноябрь по 2 декабря пьеса шла 16 раз, сначала с уплатою нам по 80 р[ублей], а потом по сто рублей, причем было уплачено, согласно уговору, Немировичу 200 руб[лей]⁶⁴. Даже считая, что в дальнейшие месяцы «Село» давалось реже, надо думать, что за декабрь, январь вплоть до окончания сезона пьесу дадут еще раз 16, т.е. опять на 1200 р[ублей]. Не лучше ли оставить, ввиду такого затруднения в пересылке денег, эту сумму у себя, а ты по присланной записке (как я всегда писала для высылки Китти) получал бы за каждые два месяца без напрасной пересылки, а в деньгах бы мы сочлись бы. Я получила от тебя 300 руб[лей], послан[ных] в Адлер, затем 300 р[ублей] и пред Рождеством два раза по сто, да твой знакомый принес 200 р[ублей], всего получила одну тысячу.

Здоровье мое за время бомбардировки ухудшилось, развинтились нервы и все отразилось на желудке и печени. Пришлось обратиться к другому доктору, Белякуру⁶⁵, который предпринял какое-то сложное лечение. А я все слабею и, наверно, к весне помру. Люби меня, помни обо мне, как я тебя и Лилю люблю.

А.Д.

Там же. Л. 18—19 об. Автограф. Курсив А.Г. Достоевской.

III

6 февр[аля] 1918
[Ялта]

Давно не имела от тебя известий и давно не писала тебе: опять была больна той же болезнью, воспалением прямой кишки, и должна была просидеть 9 дней на одной манной каше. Теперь мне лучше, но я продолжаю держаться мнения, что это моя предсмертная болезнь и умру я в конце мая, 21—22 числа⁶⁶. Готовься к этому времени приехать ко мне⁶⁷.

Теперь о другом: большевики решили взять с Ялты 20 миллионов и настойчиво требуют — мне пришлось внести сто рублей, очевидно, придется внести еще и еще. Я попала в ловушку. Пришли 1193 р[убля], но мне выдали 250 руб[лей] и будут выдавать по 250 или 100 каждые 2 недели. Остальные почта положила на книжку сберегат[ельной] кассы, а оттуда, пожалуй, их возьмут, кому надо. Послать деньги ни тебе, ни Китти не могу.

Мой участок *не* будет взят в земельное здешнее управление, так как я плачу налогов посл[едние] 2 года около 500 р[ублей] в год, а конфискуют, где платят свыше 800 р[ублей].

Гриша прислал 494 р[убля], но деньги еще не пришли. Да и хорошо, а то страшно деньги держать: где делают обыск, найдут и возьмут. Если не выполнится сумма 20 мил[лионов], то грозятся, что будут отбирать платье, сапоги, белье и продавать для дополнения суммы. Что делать, надо терпеть. От хозяина «Франции» отбирают гостиницу и [ею] будет управлять домовый комитет, т.е. горничные, которым назначено по 300 р[ублей в] месяц каждой.

Прилагаю письмо к Обществу⁶⁸, получай деньги за «Степанчиково». У меня по-прежнему кредит до конца мая, за меня не беспокойся.

Там же. Л. 20—21 об. Автограф. Курсив А.Г. Достоевской.

3/16 марта 1918
Ялта

Милый, дорогой мой Федя!

Страшно давно не получала я от тебя известий, и это меня беспокоит. Мое доверительное письмо к Московскому Обществу ты, наверно, давно уже получил (оно было послано заказным), но был очень сердит, что я не ответила на твой телегр[афный] об этом запрос⁶⁹. Некого было попросить послать телеграмму, а комиссионер за это берет 3 руб[ля], да и расписки иногда не приносит. «Село» идет по 3—4 раза в неделю (я иногда имею «Русское Слово») и потому с 2 декабря можно считать прошло не менее 30 спектаклей, а потому ты мог или можешь получить не менее трех тысяч. Вот, можно сказать, единственное из наших имений, которое дает хороший доход.

Если б ты знал, в какой смертной тоске и унынии я прожила весь этот месяц: ни от кого не получаю ни писем, ни денег (от Гриши получила всего-навсего 500 руб[лей]), а тут, кроме страшной бомбардировки, длившейся целую неделю (я тебе уже писала), наступили 2-3 недели общего смущения. Революц[ионный] комитет Ялты решил взять контрибуцию в 20 миллионов и собрал 2 миллиона, а видя неудачу, просто-напросто взял у капиталистов, кроме 10 тысяч, все, что у них хранилось на текущем счету. Я внесла при первом призыве сто рублей и описала им мое имуществ[енное] положение, именно, что, кроме участка, дающего мне в год 370 руб[лей], я другой собств[енности] в Ялте, ни денег, ни золотых и драгоценных вещей не имею, а живу на присылаемые тобою деньги. Подписалась: вдова писателя, когда-то жестоко пострадавшего за народ и написавшего «Записки из Мерт[вого] Дома». Не знаю, это ли или моя болезненность и старость, но меня не обыскивали и никто ко мне не приходил. Т.к. никаких денег моих в банках нет, кроме тех сотен, которые мне еще не выдала почта (выдает по сто рублей в неделю, а я проживаю с доктором и массажисткой не менее 150 рублей), я всегда (даже имея деньги на почте) всем должна и даже отказала доктору.

Впрочем, знай, что обо мне тебе беспокоиться нечего до лета или даже осени, — все будут присылки. Но главное мое беспокойство — это о Лиле. Если аннулированы % бумаги, то ей Банк не высылает, да и Гриша, вероятно, не мог перевести тех 400 руб[лей], кот[орые] я просила внести из пенсии. Хоть в газетах и было напечатано, что дозволено переводить за границу, но здешний Международный Банк, сначала бравшийся перевести, уверяет, что ему о дозволении переводить неизвестно.

Положение Лили меня тревожит до невозможности: я по ночам не сплю и плачу о том, что с нею теперь делается. Мне представляется, что она обвиняет меня в черствости и нелюбви, а это просто невозможность. Если я не доживу до свидания с нею, то пошли ей это письмо и скажи, до чего я по ней мучилась и страдала и до чего я хотела ей помочь. Я все продолжаю думать, что мне недолго осталось жить. Хоть мне и лучше, но при таких волнениях можно ли вполне оправиться? Последние две недели прошли в беспокойстве, что «буржуев» будут уничтожать, и назначено было на 10 или 13 марта, в день годовщины. Я уже приготовилась к смерти и была спокойна. Но все прошло благополучно, хотя у каждой бабы были нашиты на рукаве слова: «буржуев в порошок», «не жить буржуям» и проч[ие] надписи.

Теперь о делах: мелкие участки на Южном берегу предполагается не социализировать, а потому возможно, что их позволят продавать. Но цены опустились, и мне за участок Щербатов дает уже не 170 тыс[яч], а только 125 тыс[яч]. Я вижу, что мы с тобой разыграли дураков. В ноябре, когда давали задаток, еще не было закона о социализации, а 10—20 тыс[яч] задатка можно было бы пристроить: 5000 тебе, 5000 на воспитание детей в сберкассе (этого отнять было бы нельзя), 5000 на налоги и уплату комисс[сионных] и 5000 остались бы на житье. И дело было бы сделано. Те лица, кот[орые] так поступили, те спокойны, а мы остаемся с участком на руках и когда-то продадим его? Вообще, если б не моя болезнь, я бы поступила по-своему, не слушая ни твоих, ни Киттиных уговоров⁷⁰. Вам же хуже, вдвое меньше получите, чем получили бы тогда. Твоя любящая искренно мама А.Д. Пиши хоть изредка.

Там же. Л. 22—25 об. Автограф. Курсив А.Г. Достоевской.

29 марта/12 апреля 1918,
Ялта, гост[иница] «Франция»

Дорогой мой Федя!

Я прихожу в отчаяние, не получая ни от кого ни писем, ни денег. Гриша выслал мне только 500 р[ублей], а мне за прошлый год следовало около 1200 руб[лей], да за нынешние 3 месяца около 600 р[ублей]. От Лили последнее письмо было от 15 октября, с той поры ни слова и я не знаю, на какие деньги она живет, если ей Банк не высылает ее %. От Китти не имею известий уже полтора месяца и не знаю, получила ли она те 85 рублей, которые я ей послала (75 р[ублей] долгу и 10 р[ублей] Феде на именины). Очень беспокоюсь о здоровье ее и детей, потому что вычитала, что Херсон захвачен большевиками и в Скадовске были беспорядки. В довершение моей тоски ты ничего не пишешь, хоть бы посылал открытки: жив и здоров. На почту жаловаться нечего, все другие получают же, а я — нет. Точно проклял меня кто. Но зато печальных вестей имею, сколько угодно: на днях получила известие, что мою Адлерскую дачу обокрали и это в присутствии моего сторожа.

Начала это [письмо] 29 марта, а продолжаю 2-го мая, так как более месяца не было отправлений по почте. Делать было нечего, только терпеть и терпеть. Сколько я пережила за это время, милый Федя, ты и представить себе не можешь! Сколько пролила слез! Если б не добрый Суханов и его племянница, которые меня навещают (он хоть на 10 минут, но приходит каждый день), то я бы от тоски или сошла с ума или повесилась. Горести мои те же: неизвестность полная о Лиле, и я почти пришла к убеждению, что ее уже нет на свете. Неполучение ни от кого писем: ни от тебя, ни от Китти,⁷¹ ни от Гриши. Я сижу без денег и, если он мне не вышлет, то в конце мая пришлю телеграмму тебе и попрошу прислать 200 или 300 руб[лей] по телеграфу — а то меня выгонят из гостиницы. Постигло меня еще новое несчастье: на моей здешней даче убиты и сожжены две старушки; и мне бы грозила бы та же участь, если б я из экономии перебралась на дачу к себе, как я хочу это сделать.⁷² Бог меня спас от смерти.

Продавать дома и участки вновь разрешено, но т.к. богачи все обобраны большевиками (увезли с собою 2 мил[лиона] и

на миллион золотых и серебр[яных] вещей), то никто не принимается за дела. Впрочем, я не теряю надежды и очень прошу тебя разузнать, куда эвакуирована Петрогр[адская] ссудная касса, не в Москву ли? чтобы в случае чего получить в Москве мою шкатулку с бумагами, без которых продать нельзя. Здоровье мое лучше, но сил мало, и я сижу больше дома. Пиши мне, ради Бога, не забывай меня — старуху. Обнимаю тебя крепко и остаюсь любящая тебя горячо мама

А.Д.

Там же. Л. 26—26 об. Автограф.

VI

[Июнь 1918 г. Ялта]

Федору Дост[оевскому] Пяти[горск] [отель] «Брист[оль]»
Выезж[ай] слаба

Черновик срочной телеграммы. Текст написан карандашом, залит клеем и поврежден. — ОР РГБ, ф. 93/II, карт. 3, ед. хр. 59-б. Л. 1. Документ датирован по содержанию.

Окончание следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о внуке А.Г. Достоевской, Федоре Федоровиче Достоевском. Сведений о его болезни обнаружить не удалось.

² Е.П. Достоевская. См. о ней примеч. 5 к письму А.Г. Достоевской дочери Л.Ф. Достоевской от 1 июня 1919 года в I части работы.

Осенью 1917 года Е.П. Достоевская с детьми поехала из Пятигорска в маленький курортный городок Скадовск Днепропетровского уезда Таврической губернии. Там, помимо морских купаний, раньше была относительно дешевая жизнь.

³ Речь идет о продаже принадлежащих А.Г. Достоевской участков земли в Ялте.

⁴ Цитата из более раннего, не дошедшего до нас письма А.Г. Достоевской сыну.

⁵ Сведений о нем найти не удалось.

⁶ По содержанию письмо может быть датировано 24-м октября 1917 года. См. примеч. 2. См. также ответ Ф.Ф. Достоевского от 24-го ноября 1917 года.

⁷ Вероятно, в тот же день А.Г. Достоевская написала М.А. Фрешкопу. В архиве сохранился ответ присяжного поверенного, рекомендованного Ф.Ф. Достоевским:

«Октября 28-го 1917 г.

Милостивая Государыня
Анна Григорьевна [!]

С удовольствием исполняя Вашу просьбу, рекомендую Вам, в случае надобности, обратиться к присяжному поверенному Николаю Алексеевичу Приселкову (г. Ялта, Гимназический пер[еулок], дача Ярцевой). Это вполне надежный человек и опытный юрист.

Почтительно прошу Вас передать Федору Федоровичу мой сердечный привет.

С совершенным к Вам уважением

Марк Фрешкоп»

ОР РГБ, ф. 93/II, карт. 9, ед. хр. 100-а. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом. Сохранившиеся почтовые штемпели позволяют говорить о том, что почта еще работает на юге России исправно и заказное письмо вовремя получено адресатом: «Симферополь 28.10.17» и «Ялта 30.10.17». — Там же. Л. 2—2 об.

⁸ П.П. Суханов.

⁹ Сохранился карандашный набросок договора, датированный октябрём 1917 года, по которому П.П. Суханов брал на себя обязательство в течение трех недель искать покупателей ялтинских участков А.Г. Достоевской на сумму от 180 до 200 тысяч рублей. — ОР РГБ, ф. 93/III, карт. 5, ед. хр. 30. Л. 1. Черновой автограф П.П. Суханова.

¹⁰ См. об этом в письме А.Г. Достоевской сыну от 15 октября 1917 года.

¹¹ Александр Александрович Богданов был директором правления Товарищества табачной фабрики «А.Н. Богданов и К°». — См.: *Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. 3. С. 68—69.*

¹² Вероятно, он надеялся на помощь главы Ялтинской земской управы Николая Николаевича Богданова. См.: *Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц на 1916 год. Пг., 1916. Ч. II. Стлб. 185.*

¹³ Е.П. Достоевская.

¹⁴ Евгений Иванович Хомяков — директор Петроградской ссудной кассы. — См.: *Весь Петроград на 1917 год... Отд. 3. С. 729.*

¹⁵ Гостиница «Россия» одной из первых была построена в Ялте. Расположенная на Набережной, она считалась лучшей, наиболее комфортабельной и дорогой гостиницей Ялты. — См.: *Ялта и ближайшие окрестности: Путеводитель-справочник. 2-е изд. Ялта, 1913. С. 87. См. также: Курортный путеводитель 1915—1916 годов. СПб., 1915. С. 144.*

¹⁶ Речь идет о жене коллежского асессора Владимира Григорьевича Малича, жившей с дочерью в собственном доме в Москве в Георгиевском переулке, 21. — См.: *Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1915 год. М., 1915. С. 305.*

¹⁷ Домовладелица, графиня А. И. Рибопьер жила в Москве в Зыковском переулке, 11. — См.: *Вся Москва... на 1915 год... С. 413.*

Ф.Ф. Достоевский был дружен с семьей графа Георгия Ивановича Рибопьера. — См.: *Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского: 1506—1933. М.: Север. 1933. С. 142.*

¹⁸ Кого именно из князей Трубецких имел в виду Ф.Ф. Достоевский, установить, к сожалению, не удалось.

¹⁹ См. выше примеч. 16.

²⁰ Л.Ф. Достоевская.

²¹ Сведений о нем найти не удалось. Возможно, речь идет об инженер-строителе Шарле Жильбере. — См.: *Вся Москва... на 1915 год... С. 175.*

²² Письмо не сохранилось. Точную дату переезда А.Г. Достоевской в гостиницу «Франция» установить не удалось. Самый ранний счет за электричество и кипяток в гостинице «Франция» датирован 12 ноября 1917 года. — ОР РГБ, ф. 93/III, карт. 5, ед. хр. 29. Л. 37.

О гостинице «Франция» известно, что она была более комфортабельной, чем отель «Парк», построена была на берегу моря, большинство номеров было с видом на море. — См.: *Ялта и ближайшие окрестности... С. 87.*

А.Г. Достоевская жила в № 60. — ОР РГБ, ф. 93/III, карт. 5, ед. хр. 29. Л. 11.

²³ Г.И. Сниткин.

²⁴ А.А. Достоевский.

²⁵ См. о нем подробнее в письме Ф.Ф. Достоевского матери от 7 декабря 1917 года.

²⁶ Сведений о нем в «Записных тетрадях» А.Г. Достоевской нет. Однако можно предположить, что речь идет об Александре Васильевиче Волженинове, коллежском секретаре, состоявшем на службе в управлении инспектора удельного виноделия Министерства Императорского двора и уделов. — См.: *Адрес-календарь ... на 1915 год. Пг., 1915. Ч. I. Стлб. 146.*

²⁷ Письмо Ф.Ф. Достоевского от 24 ноября 1917 года.

²⁸ В письме из Скадовска от 24 октября 1917 года Е.П. Достоевская настоя-

тельно советовала А.Г. Достоевской не продавать дешевле 300-т тысяч и вообще ничего не делать, не посоветовавшись с Федей. Она категорически возражала против того, чтобы половину денег, вырученных от продажи участка, положить в банк до совершеннолетия детей. — *ОР РГБ, ф. 93/II, карт. 3, ед. хр., 77. Л. 8—10 об.*

²⁹ Л.Ф. Достоевская.

³⁰ Осуществить это намерение А.Г. Достоевской не удалось. См. об этом ниже.

Об отношении А.Г. Достоевской со сторожем (Тимофеем Овчаром) принадлежавшего семье Достоевских небольшого имения «Отрада» в Адлере и о травле, которой подвергалась со стороны Тимофея и его жены А.Г. Достоевская, см. «Достоевский и мировая культура», № 12, с.232—233.

³¹ Возможно, речь идет о коллежском асессоре, присяжном поверенном графе Константине Николаевиче Татищеве. — *См.: Вся Москва... на 1915 год... Стлб. 485.*

³² Вероятно, граф Владимир Сергеевич Татищев, председатель правления и директор Соединенного банка, член правления Русского страхового общества. — *Там же.*

³³ Ф.Ф. Достоевский, видимо, не вполне еще осознал, что декрет о земле, принятый 26 октября/8 ноября 1917 года Вторым Всероссийским съездом Советов, означал ликвидацию частной собственности на землю.

Национализация частных банков была осуществлена позднее декретом ВЦИК от 14/27 декабря 1917 года. Тогда же была разрешена ревизия стальных ящиков в банках.

³⁴ Вероятно, речь идет о князе Николае Сергеевиче Щербатове, егермейстере Двора Его Императорского Величества. — *См.: Вся Москва... на 1917 год... С. 560.*

³⁵ Не вполне понятно, о ком идет речь: о члене Государственного совета принце Александре Петровиче Ольденбургском (1844—1932) или о генерал-майоре свиты Николая II принце Петре Александровиче Ольденбургском (1868—1924).

³⁶ Контора Я. Бебеша занималась как продажей недвижимости, так и организацией летних поездок из Ялты по разным маршрутам. — *См.: Курортный путеводитель 1915—1916 гг. СПб., 1916. С. 148.*

³⁷ Сведений о нем в «Записных тетрадях» А.Г. Достоевской нет.

³⁸ По народному календарю, именины Анны зимней — 9 декабря. См. выше письмо Ф.Ф. Достоевского от 7 декабря 1917 года.

³⁹ Премьера инсценировки повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» состоялась в Художественном театре 26 сентября 1917 года. Постановка К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко; художник М.В. Добужинский. Спектакль имел большой успех. — *См.: Станиславский К.С. Собрание сочинений. В 8-ми томах. М.: Искусство, 1960. Т. 7. С. 768. См. также: Немирович-Данченко Вл.И. Избранные письма. В 2-х томах. М.: Искусство, 1979. Т. 2. С. 210—212.*

Русская пресса много писала об этом спектакле, несмотря на тревожные события осенью 1917 года. — *См.: Рампа и жизнь. М., 1 октября 1917 года, № 39. С. 4—6; Театр и искусство. СПб., 1 октября 1917 года, № 40. С. 688.*

Однако с 15 октября 1917 года театры в обеих столицах стали закрываться из-за нехватки топлива. — *Театр и искусство. СПб., 26 октября 1917 года, № 48. С. 797.* Возобновив свою работу 21 ноября 1917 года, театры, в том числе и Художественный, столкнулись с проблемой полупустых залов. О неимоверно плохих сборах см.: *Там же, 3 декабря 1917 года, № 49. С. 813.*

24 декабря 1917 года журнал «Театр и искусство» писал: «Художественный театр озабочен вопросом об изыскании средств на покрытие дефицита этого сезона, вызванного перерывом спектаклей во время событий и систематическими недоборами в сборах за последнее время». — *Там же, № 52. С. 864.*

Кроме того, А.Г. Достоевская не знала, что «по предложению А.В. Луначарского, в Смольном утвержден декрет об авторском праве. По этому декрету авторское право сохраняется за наследниками только 15 лет. По истечении этого срока сочинения, в случае нахождения их достойными этого, монополизируются государством на 5 лет». — *Там же, 10 декабря 1917 года, № 50. С. 839.* Позднее журнал уточнил ситуацию и уже 14 января 1918 года оповестил театральную общественность России об отмене вообще авторского права и об установлении «государственной монополии на произведения классиков» (№2. С. 25—27).

Так что А.Г. Достоевская напрасно ожидала новых поступлений на ее счет и новых денежных переводов.

⁴⁰ «Село Степанчиково» прочно обосновалось в репертуаре Художественного театра в те тревожные дни: 7 спектаклей было сыграно в октябре и 3 — в ноябре 1917 года.

⁴¹ А.Г. Достоевская писала:

«Имею честь напомнить Обществу русских драматических писателей и оперных композиторов о моей просьбе (посланной месяца полтора тому назад) выплатить мне гонорар за представления «Степанчиково Село» с начала представлений по 1-е января наступающего 1918 года. Убедительнейше прошу ускорить высылку денег: в Ялте жить невозможно дорого и % бумаг не меняют. Мой адрес: Ялта, гостиница «Франция», Анне Григорьевне Достоевской. 29 дек. 1917». — *РГАЛИ, ф. 675, оп. 1, ед. хр. 14. Л. 26 об.* На документе помета: «Выслано почтой 1193 р. 65 к. 14/XII-1917 г.» — *Там же.*

⁴² Правление Общества русских драматических писателей и оперных композиторов размещалось по адресу: Москва, Тверская ул., Брюсовский переулок, д. 19, кв. 2.

⁴³ Вероятно, это и были те деньги, что перевели А.Г. Достоевской за «Николая Ставрогина». См. об этом примеч. 3 к письму Достоевской от 27 июня 1917 года («Достоевский и мировая культура», № 12).

⁴⁴ П.П. Суханов в последние месяцы жизни А.Г. Достоевской принял на себя заботу о ней. В бумагах А.Г. Достоевской сохранилась записка, которая по содержанию может быть датирована 1917 годом: «У меня 21/8 [1917] было 81 р[убль] 88 к[опеек] + от Петр[а] Петр[овича] долгу 110, итого 191 р[убль] 88 к[опеек]». — *ОР РГБ, ф. 93/III, карт. 5, ед. хр. 15. Л. 24. Автограф.*

⁴⁵ Сведений о нем найти не удалось.

⁴⁶ Несмотря на то, что переговоры о мире с Германией начались уже в ноябре 1917 года, в Крыму все упорнее говорили о продвижении немецких войск к Петрограду и о скором падении столицы.

⁴⁷ Сведений о нем найти не удалось.

⁴⁸ До революции Ф.Ф. Достоевский был вполне состоятельным человеком. После того, как новая власть установилась в России, Ф.Ф. Достоевский бедствовал. Последние три месяца он пользовался поддержкой Исторического музея, на средства которого и был похоронен в декабре 1921 года. — См.: *Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского... С. 133.*

⁴⁹ Все сделки с ценными бумагами были запрещены еще в конце 1917 года. См.: *Наши ведомости: Вечерняя газета. Пг., 28 декабря 1917/10 января 1918 года. № 1. С. 6.*

⁵⁰ Ссудная казна начала работать позже. — См.: *Вечерняя жизнь: Газета полит. и лит. М., 22/9 марта 1918 года, № 1. С. 4.*

⁵¹ Телеграмма неизвестна.

⁵² Кому принадлежала гостиница «Франция» в это время, установить не удалось. Ранее ее владелицей была г-жа Е. Касабианка, которую позднее сменил П.Д. Федоренко. — См.: *Ялта и ближайшие окрестности: Путеводитель — справочник. Под редакцией Ю.В. Васильчикова. Ялта, 1911. С. 46. См. также 2-е изд., 1913. С. 87–88.*

⁵³ Ю.В. Волкова и в 1918 году продолжала держать библиотеку и книжный магазин, беря весьма умеренную плату за пользование книгами. В архиве А.Г. Достоевской сохранился «Подписной лист в библиотеку и книжный магазин Ю.В. Волковой». Согласно этому документу, А.Г. Достоевская регулярно вносила либо ежемесячно по 50 копеек, либо, как 5 апреля 1918 года, заплатила сразу 2 рубля, чтобы пользоваться книгами «по 5 июля». В последний раз она брала книги 19 июня 1918 года, т.е. буквально за несколько дней до смерти. — *ОР РГБ, ф. 93/III, карт. 5, ед. хр. 37. Л. 1–1 об.*

⁵⁴ И эта телеграмма неизвестна.

⁵⁵ См. выше примеч. 41.

⁵⁶ См. ниже переписку А.Г. Достоевской с Г.И. Сниткиным в III части работы.

⁵⁷ В ноябре 1917 года в Крыму началось татарское национальное движение, приведшее к власти Крымско-татарское национальное правительство, но уже в январе 1918 года вынужденное уйти в подполье. В заметке из Крыма корреспондент московской газеты «Новое слово» писал: «... Татарское движение окончательно подавлено севастопольскими матросами и рабочими. Весь центр Крыма в руках местного революционного комитета. ... Ялта, где долее всех задержались татары, почти разгромлена артиллерийским огнем миноносцев». (25 января) 7 февраля 1918 года, № 9. С. 4.

⁵⁸ Ранее газета отмечала: «Положение в Ялте создано ужасное. Жители бегут из города, не зная, куда они могли бы приткнуться». — *Там же, 19 января/1 февраля 1918 года, № 4. С. 4.*

У А.Г. Достоевской не было никакой возможности покинуть Ялту из-за болезни.

⁵⁹ Не совсем ясно, ошиблась ли А.Г. Достоевская или к ней приходил другой знакомый Ф.Ф. Достоевского. Ранее Ф.Ф. Достоевский называл имя И.С. Стрешнова. — *См. выше его письмо от 13 января 1918 года и примеч. 47.*

Если же А.Г. Достоевская точно называет имя пришедшего, то, возможно, речь идет о Владимире Владимировиче Стрекалове, который служил в статистическом отделе Министерства торговли и промышленности. — *См.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц на 1915 год... Ч. 1. Стлб. 827.*

Кроме того, Ф.Ф. Достоевский мог знать присяжного поверенного Василия Ивановича Стрекалова, стряпчего московского коммерческого суда. — *См.: Вся Москва... на 1915 год... С. 474.*

⁶⁰ По сообщениям газет, Судная казна начала работу в Москве только в марте 1918 года. — *См. выше примеч. 50.*

⁶¹ Письмо неизвестно.

⁶² Т.е., с 22 апреля/5 мая по 29 апреля/12 мая 1918 года.

⁶³ Елизавета Николаевна Косарева, жена ялтинского санитарного врача, заведующая отделом Всероссийской Лиги борьбы с туберкулезом. В «Записной тетради» А.Г. Достоевской 1887—1913 годов сведения о ней помечены сентябрем 1912 года. — *ОР РГБ, ф. 93/III, карт. 4, ед. хр. 1. Л. 340.*

В архиве А.Г. Достоевской сохранилось также письмо к ней Е.Н. Косаревой, в котором она предлагает старой больной женщине продлить договор на аренду адлеровского домика сроком на три года. Выделим в этом документе, датированном 20 октября 1917 года, один момент, жизненно важный для бедствующей А.Г. Достоевской: «[...] Обязуюсь деньги по полугодиям вперед выплачивать. [...]» — *Там же, ф. 93/II, карт. 5, ед. хр. 129. Л. 1—2.*

Т.к. Е.Н. Косарева не знала, что А.Г. Достоевская в это время уже была в Ялте, то заказное письмо отправилось сначала в Адлер, а потом вернулось в Ялту. См. почтовые штемпели: «Ялта 21.10.17»; «Адлер 30.10.17»; «Ялта 7.11.17». — *Там же. Л. 3—3 об.*

⁶⁴ См. об этом в письме Вл.И. Немировича-Данченко А.Г. Достоевской от 28 ноября 1916 года. — *Немирович-Данченко Вл.И. Избранные письма... Т. 2. С. 192.*

⁶⁵ Франц Петрович Бялокур, врач Общества Красного Креста, практиковал с 1893 года и, возможно, поэтому показался А.Г. Достоевской основательнее своих ялтинских коллег. — *См.: Календарь для врачей всех ведомств на 1915 год. В 3-х частях. Пг., 1915. Ч. III. Стлб. 1088.*

⁶⁶ А.Г. Достоевская скончалась 9/22 июня 1918 года.

⁶⁷ Ф.Ф. Достоевский не смог приехать на похороны, т.к. после победы большевиков Крым оказался отрезанным от всего мира. — *См. подробнее: Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х частях. М.: Терра, 1992. Ч. I. С. 93.*

⁶⁸ Письмо неизвестно.

⁶⁹ Телеграмма неизвестна.

⁷⁰ Е.П. Достоевская еще 24 октября 1917 года просила А.Г. Достоевскую не торопиться и выждать подходящий момент. «[...] По теперешним ценам можно было, кажется, взять и 300 тысяч. Так, по крайней мере, говорят здесь [...]» — *ОР РГБ, ф. 93/11, карт. 3, ед. хр. 77. Л. 8. Е.П. Достоевская была категорически против того, чтобы половину денег, полученных от продажи участка, положить в Банк до совершеннолетия детей. — Там же. Л. 8 об.—10 об.*

⁷¹ Е.П. Достоевская с детьми находилась в Скадовске. 3 января 1918 года она писала А.Г. Достоевской: «[...] Очень беспокоюсь, милая Бабушка, не получая от Вас никаких известий. Надеюсь, это письмо дойдет до Вас, а также наши искренние пожелания здоровья и спокойствия в наступающем году. От Федю около 3-х недель не имею никаких известий, т.к. мы совсем отрезаны от Севра — вообще живем точно на другой планете [...]» — *Там же.*

⁷² См. ниже письмо А.И. Бедюх к А.Г. Достоевской от 7 февраля 1918 года.